

18+

Евгения Черноусова

Ловушка для осьминогов

Евгения Черноусова

Ловушка для осьминогов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48477709

SelfPub; 2019

Аннотация

Две смерти в одном здании с разрывом в два дня: молодая женщина и неизвестный мужчина. Остаётся сиротой маленький мальчик. Кто позаботится о нём?

Глава первая: женские разговоры и первая смерть

Утро началось с неприятности. Позвонила квартирантка и сообщила об отказе от аренды. А квартирантка ещё от Нины Васильевны, она Ларе вместе с квартирой досталась. Виновато глядя на Лару, Нина Васильевна успокаивала её, обещая, что, если квартиранты сразу не найдутся, даст займы для очередного взноса. Лара отмахнулась:

– Вы мне квартиру не под дулом автомата продавали. Это мои риски.

Да, всю жизнь перебивающаяся с хлеба на квас Лара вступила в ипотеку. Произошло это год назад.

Как-то заскочила к ней соседка по даче. Дачей Лара не пользовалась уже много лет, и соседка с её согласия сажала на Ларином участке картошку. И платила в правление дачного кооператива какие-то взносы за неё, очень небольшие, кстати. Они не виделись уже несколько лет, и Лара даже не сразу её узнала. А соседка стала уговаривать её продать ей дачный участок. И Лара уже почти уступила под её натиском, но вмешалась Нина Васильевна: «Дама, вы извините, но у нас срочные дела. Оставьте свой телефон, поговорите о личном после работы». А когда соседка ушла, напустилась на Лару: «Нельзя же быть такой легковерной! Ловушка с мелкой денежкой – и ты повелась! Если вдруг возник интерес к участку, значит, выросла цена!» Она связалась со своей знакомой риелторшей и попросила срочно провентилировать этот вопрос.

Риелторша была не просто знакомой, она, можно сказать, у Нины Васильевны на зарплате состояла. Покупка и обмен квартир – это у главбуха было и хобби, и источник дохода. Начинала с унаследованной от тётки квартиры, которую не продала, а стала сдавать. И так ей это понравилось, что в выстроенной пять лет назад напротив издательства башне ещё на этапе строительства прикупила евродвушку, взяв ипотеку. А через некоторое время ещё одну. Потом тёткину квартиру для старшего сына поменяла с доплатой, когда он с женой развёлся. А теперь для себя одну из квартир в башне собиралась продать, а себе купить полноценную двухкомнатную. Случись у Лары такие хлопоты, она бы сон потеряла. А Нина Васильевна ими наслаждалась! И это несмотря на то, что квартира ей понадобилась, потому что её супруг, с которым она состояла в браке уже 35 лет, внезапно подал на развод.

К вечеру риелторша сообщила, что участки в Васильевке по-прежнему не в цене, но именно участок Лары и ещё два соседних приглядел внезапно разбогатевший сосед, который на двух участках построил очень нехилый домик, и хотел бы расширить своё поместье. «Ну и зараза твоя соседка», – возмутилась Нина Васильевна. А потом села подсчитывать, и заявила, что если с новым русским поторговаться, то хватит на первый взнос, а на остальное можно оформить ипотеку. Лара замахала руками: «Не жили богато, нефиг начинать!»

Нина Васильевна сказала: «Так и будешь всю жизнь ждать

лучшей жизни? Ты представляешь, что такое жить с семьёй сына? Сначала невестка будет раздражать, потом на сына зло начнёт копиться, а потом и от внука станешь уставать». Она знала, о чём говорила. У неё на два сына три невестки (одна бывшая), четверо внуков. «А в твоей квартире, между прочим, трое собственников».

Лара заглянула в её расчёты: «Нет, такую сумму я не потяну». «Так сдавать же будешь!» И Лара уступила. Но, чтобы платить банку вдвое меньше, продала ещё гараж. И вот уже год успешно расплачивалась, получая деньги за аренду квартиры. Правда, тяжело пришлось, когда зимой руку сломала. Но тут ей Нина Васильевна займы давала.

О своём приобретении по совету Нины Васильевны она никому не сказала. Убедила она её в этом, предположив, что сын будет рваться из квартиры блатхату сделать, а мать и брат замучают попреками.

– Пошли принимать хозяйство!

Почему Нина Васильевна так с ней возится, понятно: уговаривала она Лару не без корысти. Найти покупателя на квартиру в этом доме – дело не быстрое. Вот, у подъезда объявления месяцами висят. А всё почему? Потому что квартиры здесь, в основном, покупали не для житья, а для вложения капитала. Это можно понять хотя бы по квартирным дверям: больше половины их не заменены на крепкие металлические, и, значит, за ними либо временное пристанище квартирантов, либо и вовсе жилплощадь пуста в ожидании,

пока подрастут дети собственников.

Типографский экспедитор и завхоз Юрий Дмитриевич, двоюродный брат Нины Васильевны, вместе с ними оценил сдаваемый объект, шустро заменил личинку замка и пообещал Ларе помочь переклеить обои. И до глубокой ночи они успели-таки всё поклеить! Юрий Дмитриевич поехал домой, а Лара рухнула на диван (квартира была слегка меблирована) и уснула, даже не подумав о том, что зубы не чищены.

А назавтра – день начисления зарплаты. Табели сдали почти все, но что это были за табели! И Ларе приходилось висеть на телефоне, а потом мотаться по издательству, потому что до некоторых невозможно дозвониться. Глядя, как её заместитель правой рукой стучит по клавиатуре, левую сгибает и разгибает, выполняя предписания по лечебной физкультуре, правым же плечом придерживает трубку телефона, при этом умудряясь прихлёбывать чай, Нина Васильевна с восхищением сказала:

– Я иногда думаю, что у тебя, как у осьминога, конечно-стей больше, чем у тех, кто табели заполняет!

Лара поперхнулась и сквозь мучительный кашель взмолилась:

– Вы ещё при них так меня назовите! У вас просто патологическая способность приклеивать клички!

Тут Дуня из «Молодёжки» пришла, причём сама, без напоминаний. И сказала:

– Вы проверьте, Лариса Александровна, я подожду.

Господи, там народу-то 8 человек, а она умудрилась двоих забыть, один больничный не принести и выходные перепутать. Больничный принесён, табель переписан, а Дуня всё сидит и болтает. Что она о себе несёт, это уму непостижимо! Лара кривится, но терпит. Что делать, главбух Нина Васильевна любит такие разговоры. Ехидный Витецкий из той же «Губернской молодёжи» как-то сказал, что все городские сплетни стекаются в парикмахерские и библиотеки, а все учрежденческие – в бухгалтерии. Но Нина Васильевна тоже в карман за словом не лезет: «Где же ты информацию черпаешь, голубок? За чтением не замечен, да и в парикмахерскую тебе, вроде, ходить незачем» (намёк на изрядно облысевшую голову).

Так, типография. Сотовый отключен, а общий не отвечает. Накинула пальто и побежала к лестнице. Когда вернулась минут через двадцать, Дуня всё так же сидела у входа. И продолжала весёлые речи с интимными подробностями. Лара её знает только внешне да по имени: во всех ведомостях они рядом стоят: Лара Лопахина, а Дуня – Лопухина. Она только слегка поморщилась, открывая программу, но Дуню это зацепило:

– Лариса Александровна, вы, наверное, давно без мужика? И как вам?

– Да нормально, Дуня. Я вообще довольно спокойная, если ты заметила.

– Вы от рождения такая, да?

– Нет, такой я стала после развода.

– Вы были замужем?!

– И что это так тебя удивляет? У меня сын всё-таки.

– Ну, у меня тоже сын. Но он-то появился как раз без мужа. А вы алименты хорошие, наверное, на сына получали?

– Совсем не получала.

– Как?!

Лара тем же ровным тоном объяснила, что выходила замуж за вдовца с ребёнком. Девочку она удочерила, поэтому при разводе оставив дочь с отцом, а сына с матерью, супруги отказались от взаимных финансовых и имущественных претензий.

– Но вы общаетесь, подарки какие-нибудь ребёнку...

– Со дня развода ни разу не виделись.

– Он сыном не интересовался? И вам не обидно?

– Я счастлива.

– Он пил? Бил?

– Если бы так, я бы с ним семь лет не прожила.

– Да в чём тогда дело?!

Лара пробормотала: «F9» и задвинула под стол доску с клавиатурой. Вынула из ящика маленький мячик и стала сжимать его левой рукой. Такая у неё была ежедневная многоазовая лечебная физкультура. Поглядела на возмущённое лицо Дуни и сказала:

– Ты слишком большое значение придаёшь партнёру, какой он там – законный, незаконный. А самое главное для

женщины – конечно, ребёнок. Мы за него в ответе на всю оставшуюся жизнь. Если настаиваешь, могу тебе вкратце рассказать про семь лет моей замужней жизни.

И рассказала.

Замуж Лара выскочила в 19 лет, сразу после педагогического колледжа. Тогда много несчастий на неё навалилось: смерть отца, травма и конец спортивной карьеры, безуспешный поиск работы. Жизнь была по темечку, и тут внезапный подарок судьбы: ухаживание лётчика-вертолётчика, красавца офицера. Вдовец с дочерью, не бросивший её на бабушку или в детдом. Ах, Лара будет под стать ему: откажется от радости материнства (Николай сразу сказал, что не желает второго ребёнка, чтобы не травмировать первого), будет воспитывать дочь любимого человека и создавать ему надёжный тыл. Ах, он такой благородный! Не бросил её, такую заурядную по уму и внешности, когда зашёл разговор о переводе на Дальний Восток, а продолжал встречаться и почти сразу предложил узаконить отношения! Правда, мама при знакомстве с будущим зятем поморщилась, а потом, оставшись с ней наедине, попросила: «Не торопись, доченька. Зачем тебе этот тридцатилетний голодранец, да ещё и с хвостом? Видишь, на няньку его офицерского жалования не хватает, вот он и берёт бесплатную, да ещё с педагогическим образованием». Но родители ничего не понимают, папа бы понял, а мама... что с неё возьмёшь?

В общем, в военном городке в Хабаровском крае Лара

изо всех сил строила семью: трёхразовое питание (для дочери четырёхразовое), уют и экономия, на себя по возможности не тратиться, она же не работает. В школу её не взяли, там физкультуру вели два отставника, а прочие предметы вели офицерские жёны. Иногда брали на подмену в сельсовет, там бухгалтер часто болела, а глава сельской администрации, разбитная бабёнка Любашка, была Лариной соседкой и приятельницей. До глупой Лары только на третьем году совместной жизни дошло, что её муж – кобель каких мало и трахает всё, что движется. И она решительно заявила, что возвращается к маме.

Что тут было! Офицерские жёны засрамили её, мол, оступился мужик, бывает, он же попросил прощения! Бросить его в далёком краю! Лишить отца единственного ребёнка! Он не отдаёт дочь, защищалась Лара. Оставить ребёнка! Да ты не мать, ты чудовище! Ревела Наташа, цеплялась за маму: «Мы с мамой к бабушке уедем!» Коля понял, что дело пахнет керосином, пал в ноги, поклялся в верности до гробовой доски и слёзно попросил ребёнка. Беременность не заставила себя ждать, а гробовая доска, видать, с самого начала лежала под супружеской кроватью. Ещё пару раз Лара порывалась уехать, но с рождением Славика Колин кобеляж стал ей абсолютно безразличен – поесть бы да выспаться. Наташины уроки, Славины аллергии и собственное вечное невысыпание сделали из неё зомби.

Тут Коля подсуетился и сумел сделать себе инвалидность

и досрочную военную пенсию. Семья собралась на родину, а родина у супругов была у каждого своя, хоть и в соседних областях. Сначала сгрузили вещи в Ларином гараже, и с небольшим запасом одежды поехали в Колин родной райцентр в соседней области. Там Лара поняла, что уезжать надо немедленно. Свекровь и золовки относились к ней с явным пренебрежением, ну а Коля пошёл по соседкам с первого дня. Да ещё выйдя на рынок, она увидела прогуливающуюся Любашку. Мало соседок, ещё и подружку жены через пол земного шара приволок! Домашние сидели за просмотром какого-то слезливого сериала. Лара спросила у Наташи: «А вот если бы мы с папой стали так же разводиться, с кем бы ты осталась?» «Конечно, с папой, ты ведь мне не родная, – и хихикнула. – Двоюродная мама!» «Это кто меня так называл?», похолодевшими губами прохрипела Лара. «Валя», – указала Наташа на младшую золовку, незамужнюю ещё, пустую легкомысленную девчонку. «Придёт папа, так ты не забудь ему это сказать». Свекровь кинулась вслед на Ларой: «Ну и что такого? Зачем в наши бабьи дразги мужика втравливать?» Лара ей ответила: «Это мужик решил, что Наташа должна стать мне родной. И я растила её семь лет как родную». Уезжала Лара тайком, без скандала. Пошвыряла вещи в сумку, одела двухлетнего Славика и обратилась к дочери: «В последний раз спрашиваю, с кем ты будешь жить?» «С папой!» Девочке было уже больше десяти лет, так что суд бы учёл её решение.

Мать встретила их радостно: «Ну, наконец-то!» Семейка мужа голоса пока не подавала, но зато объявилась по телефону Любашка: «Привет, подруга! Я к тебе приехала, а ты свалила!» «А что ж сразу не объявилась? Я тебя ещё четыре дня назад на рынке встретила. Решила, что ты не ко мне, а к Коле». Хорошо было слышно, как матернулся приникший к трубке супруг. К вечеру и сам нарисовался: «Лара, прости! Эта женщина ничего не значит для меня! Вся семья меня бранит за тебя! Мать с Наташей все слёзы выплакали! Как ты могла ребёнка бросить!» «А мне Наташа сказала, что я ей не родная».

Коля понял, что с одного крючка Лара сорвалась. Попросил выйти проводить с ребёнком, закинул сына в машину и уехал. Лара кинулась за ними, но мать с братом её удержали силой. Мать сказала: «Лара, потерпи, иначе ты никогда не развяжешься с этим уродом». Витя приделал задвижку к двери кладовки, мать поставила ведро и полторашку воды: «В туалет выпускать не буду, есть сама не станешь». Четыре дня Лара выла и рыдала, бросаясь на дверь. Свекровь позволила уже наутро следующего дня: «Что ж у неё о сыне душа не болит?» Мать ответила: «Так он не с чужими людьми. Вы аккуратнее там, у мальчика на многие продукты аллергия. В случае чего скорую вызывайте. А Ларочки дома нет. Она от радости, что руки развязаны, на вечер встречи выпускников пошла в педколледж. А потом с подружками на дачу уехала догуливать». На четвёртый день измученная бессонными но-

чами над покрывшимся сыпью внуком свекровь потребовала от сына вернуть ребёнка бессовестной материнской родне.

Ларе было 26. Из кладовой она вышла с головой словно солью посыпанной. У некоторых в 60 седины меньше.

Слушая Ларин рассказ, Дуня рыдала:

– Господи, какие гады! Как хорошо, что я рассталась с этим мамсиком и его мерзкой мамашей! Сын на моей фамилии, не найдут. Если бы они у меня Мишку украли, я бы их поубивала! А ты простила мать?

– Это был жестокий, но полезный урок. Если бы я поехала за ним, всё повторялось бы бесконечно: побег-возвращение-побег. И меня, и Славку извели бы не меньше, только растянули бы это по времени. Пока я в кладовке сидела, мама плакала по другую сторону двери и рассказала о том, как погибла Наташина мать. Николай несколько раз забирал ребёнка из дома её родителей, а она мчалась за ним. В очередной раз, выскочив за ними, попала под колёса длинномера.

Нина Васильевна спросила:

– Лара, что он так цеплялся за тебя? Неужели любил?

– Какое там! Я была очень удобной женой: хозяйственной, бережливой, не скандальной. Да и не ревнивой, в общем-то. И кто бы за него пошёл теперь, когда дочь вступает в подростковый возраст?

– Так он не женился?

– Не знаю. Всегда какая-нибудь дура находится.

Дуня позавидовала:

– Вот у тебя мать – что надо! Жестоко поступила, но правильно. Моя бы с таким зятем слилась в экстазе. Бить бы стали в четыре руки!

Нина Васильевна её перебила:

– Дуня, что ты плетёшь?

– Вы мать мою не знали! Вот уж гадина! Я у неё из дур не выходила, хотя в школе всегда училась хорошо. Валерку, гада такого, заставляла выгуливать (это братец мой). С подружками – ни-ни, только с ребёнком гуляй! Била она меня полотенцем. Знаете, узел такой на конце завяжет – и с размаху! Больно, а следов не остаётся. А в школе что про меня плела! Пока я маленькая была, я всё это всерьёз воспринимала. Думала, буду себя хорошо вести, и мама будет меня любить и бить не будет. Потом поумнела. Что толку вести себя хорошо, если все Валеркины косяки на меня сваливают?

Она тархтела в своём духе: перескакивая с предмета на предмет, то заливаясь смехом, то впадая в истерику. Потом заметила, что Нина Васильевна на тему матери реагирует болезненно и предложила:

– А давайте я вам тоже расскажу, как меня мать запирала! Не в кладовке, а в ванной, но это тоже жуть!

И рассказала.

В пересказе без мата и Дуниного молодёжного сленга это было так. В классе, где Дуня, несмотря на почти отличную учёбу, слыла трудным подростком, да такой и была, она заранее объявила, что на выпускной не пойдёт, а придёт только

на торжественную часть, когда будут аттестаты вручать. Но такой не одна она была, некоторые чисто по материальным причинам от выпускного отказались. А матери, чтобы не поступила наоборот и не сдала деньги, сказала, что выпускной оплатили шефы, и сдавать ничего не надо.

– И мамаша вдруг расщедрилась и купила мне платье! Голубое такое, красивое! Я думала, в институт в нём ходить буду. Как же, разбежалась!

В общем, накануне торжественного дня, явившись домой в двенадцатом часу, что для неё и не поздно было, она была от двери встречена ударом. К тому времени Дуня уже научилась давать сдачи, девица она была не мелкая. Но тут, как говорится, ничто не предвещало. Вдвоём с сыном-подростком мать скрутила её, Валерка держал, а мать выстригала ей чёлку под самый корень. «А платье твоё мы отдали Полинке». Была у них такая пьянчужка дебильная в соседнем подъезде. Дуня потом на ней это платье видела:

– Мешком висело. И грязное! Могла бы продать, но так мне больнее.

Заперли Дуню в ванной и улеглись спать. Светильник в ванной был выключен, но под окном кухни горел уличный фонарь, и через маленькое окошко между кухней и ванной свет всё же проникал. Дуня посмотрела на себя в зеркало и решила наконец-то отомстить по-крупному. Она выставила окошко, с трудом протиснула через него свои телеса, спрыгнула на кухонный стол и начала действовать. Методично со-

брала свои вещи, зная, что уже сюда не вернётся; с зимними набралось немало. Потом залезла в стенку и вытащила все деньги, которые у матери на тот момент были. Потом в кухонном ящике обнаружила пластилин, им в прошлом году щели в рамах замазывали, и растопила его. Зашла в их общую с матерью спальню и щедро смазала пластилином волосы, накрученные на бигуди.

– У неё всегда был крепкий сон, как у всех людей с чистой совестью. А где было её испачкать, она ею и не пользовалась никогда!

У брата сон был чуткий, поэтому ostrичь его, как собиралась сначала, не рискнула. Просто размазала остатки пластилина по его любимым джинсам. И спёрла его заначку:

– А он даже не мог матери пожаловаться, потому что деньги были у неё же украденные!

Заткнула раковину, открыла кран чуть-чуть, чтобы соседей заливало постепенно, и пошла к однокласснице Люське.

– Когда её мамаша с матом шла среди ночи на звонок, это было ещё ничего! А когда она меня увидела, тут уже крик стоял такой, что половина соседей повыскакивала! Столько добрых слов о моей мамаше я ещё не слышала. Бабы мою голову покрутили туда-сода и предложили сделать авангардную стрижку. Но я сказала: «Только наголо!» И постриглась.

Утром она навешала железок на уши и шею, нацепила Люськины шорты, которые были ей безнадёжно малы и почти ничего не прикрывали, майку-алкоголичку без бюст-

гальтера при своём тогда уже третьем номере и в таком виде отправилась за аттестатом: «Или отдавайте сейчас, или я буду торжественного вручения ждать». Отдали, только бы ушла.

С тем она убыла в областной центр, чтобы поступить в университет. Но это уже совсем другая история.

– Дуня, а мать в полицию не заявила? Имела право, это же деньги, – спросила Нина Васильевна.

– Попробовала, мне Люська рассказывала. Но охота бы-ла ментам семейные кляузы разбирать! Участковый спросил про сумму и сказал, что проверит на почте, сколько она получила алиментов на меня накануне. А деньги были почти такие же.

– А с отцом ты не повидалась?

– Нет. У него другая семья. Он не хотел. А потом он умер года через два.

– Где же Люська твоя теперь?

– Шесть лет назад от передоза загнулась. А мама её в прошлом году от цирроза, – она заплакала. – Курю, но с алкоголем не дружу. А наркотики никогда не пробовала! С кем же мой Мишенька останется, если я загнусь!

Дуня наконец ушла, всё ещё всхлипывая.

А через двадцать минут секретарша Анна Николаевна влетела: «Дуня Лопухина из окна выбросилась! Насмерть!»

Глава вторая: мужские разговоры и ещё одна смерть

– Дима, зайди ко мне. Ну, что там с самоубийством?

– А вот ни разу не самоубийство. И даже не несчастный случай. Толя сказал, что был толчок невиданной силы.

– Может, сама оттолкнулась?

– Вот и я это спросил. Говорит: да, оттолкнулась и полетела вперёд спиной.

– М-да. А я-то надеялся...

– А я-то как надеялся! Сразу пошёл отписки составлять. Вроде всё сходилось: неуравновешенная творческая личность занималась рутинной работой, табель на зарплату составляла. Зам главного бухгалтера гоняла её туда-сюда. Потом она сидела в бухгалтерии и с час, наверное, истерила со слезами на глазах. Потом вышла от них с рыданием: «На кого мой Мишенька останется, если я загнусь!» И через двадцать минут загнулась.

– Да тут всё очевидно! Кроме толчка...

– Вот так. Эти творческие личности затоптали всё нафиг, хотя на что там смотреть? На раскрытое окно?

– А как там вообще там эти творческие личности? Журналистки, телеведущие?

– Ну, телеведущих я даже не видел. Вернее, одна была, какой-то отчёт писала. Инга Киприди. Знаешь такую?

– Длинноволосая такая? «Литературную губернию» ведёт?

– Она вообще-то на больничном, колено у неё в гипсе, что ли. Еще там монтажёрка. Такая... сразу не понял, какого по-

ла. И охранник на входе в телестудию. Все остальные группами разъехались по учебным заведениям... ну, к Дню учителя. Вот и всё по четвёртому этажу, где студия. Ты вообще представляешь себе Дом печати?

– Тысячу раз мимо проезжал. Здание глаголем с нашлёпкой посередине.

– Скорее, бумерангом. Построено по углу, где сворот с Московского проспекта на Советскую. Трёхэтажное, а по центру небольшая надстройка четвёртого этажа, где телестудия. На закруглённом тупом углу, над главным входом.

– Есть неглавные?

– Ещё сколько! По Московскому проспекту в торце – вход в бывшую столовую дома печати, ныне кафе «Лилия». Перпендикулярно этому крылу – одноэтажная пристройка до бывшего дома быта, ныне дом торговли «Парковый». В ней буфет и банкетный зал кафе. Из «Паркового» можно зайти в кафе, соответственно, и в дом печати тоже. Кстати, в народе кафе называют «Катамараном», потому что эта стекляшка объединяет два здания. А от конца другого крыла, что по Советской, параллельно Московскому ещё одна одноэтажная пристройка. Там самые шумные цеха типографии. Получается внутренний двор, въезд в который – между «Парковым» и типографской пристройкой. Заруливают туда поставщики товара в дом торговли, кафе и типографию, а также потребители типографской продукции. На проходной дежурит охранник, всех въезжающих и выезжающих записывают.

Но не входящих и выходящих! А выйти во двор можно из служебных входов для погрузки кафе, «Паркового» и двух типографских, из главного внутреннего выхода, что напротив главного входа. Продолжить?

– А камеры?

– На доме торговли есть. И больше нигде. Мы записи изъ-яли, но кто будет всё это движение разглядывать?

– Понятно кто...

– Вот именно. Дал поручение.

– Ну, работайте. Да, а журналисточки-то хоть были красивые?

– А, не разобрать. Половина накрашена, будто под камерой уже, и их сейчас на экран выведут, а половина – чумички. Не то баба, не то мужик, в брюках, в балахонах, сисек не видать.

– Кстати, о сиськах. Что у тебя с Катей?

– Ничего у меня с Катей. Покончили мы с ней.

– Ладно, не горячись. Давайте встретимся... ну, хоть у нас. Алла поляну накроет, пацаны в компе посидят, а вы попробуйте наладить мосты.

– Никаких мостов!

– Дим, ну, гульнула баба... с кем не бывает? Что же сразу дом разорять, квартиру делить? Ты ведь, небось, тоже не без греха?

– Понял, откуда ноги растут. Неужели риелторша моя уже приходила? И Катерина к Алке кинулась. Ишь, даже про себя

рассказала... я-то молчал!

– Дима, возьми паузу! У вас же сын!

– Была пауза. Месяц. Хватит! Я у Толи живу, надоел ему хуже горькой редьки.

– Ты всерьёз хочешь добро делить с ней? Да будь ты мужиком!

– А по-твоему я должен к полтиннику без жилья остаться? На барахло не претендую. Но квартиру будем делить. В неё ведь старенькая родительская вложена.

– Так и машину делить придётся...

– Это само собой. Я к ней послал человека с разумным предложением. Там ведь... я не договорил. Третий этаж издательства весь под арендаторами: адвокат, риелтор, мебель на заказ, благотворительный фонд, гадалка, секта какая-то, даже частный детектив. Вот – 11 арендаторов. Так я с риелтором попутно и свой вопрос порешал. У неё есть хороший вариант размена. С доплатой, естественно. Вот на доплату мой Росинант уйдёт. А потом можно разводиться. Заявление я уже подал.

– Дим, может, помириться ещё?

– Нет. Меня от неё тошнит! Сына настроила! Он звонит всегда только про деньги! Последний раз у школы встречались... поездка там у них на каникулах. Я говорю: у матери бери, с меня нынче за два месяца алименты вычли. А я, между прочим, за прошлый месяц ей в руки отдал! А он: ты должен! Я психанул: если я тебе только деньги должен, так

это через кассу. Видеться тогда совсем необязательно.

– А он что?

– Заплакал...

– Ну как так можно? Представить себе не могу, чтобы я так сына...

– Вот и я не представлял.

Помолчали.

– Ладно, пойду я. Дел ещё...

– Дим, ты приходи вечером всё равно. Хоть пожрёшь. Катьку звать не будем.

– Там видно будет.

Вышел из кабинета начальства и сказал сам себе: «А то я не знаю, какая Алка настойчивая. Приди, как же. Кусок в горло не полезет!»

С утра опять Саня привязался: почему не пришёл, да почему телефон отключил? А вот, видишь, второй месяц в рваных ботинках хожу. Простыл, температура у меня. Вот и отключил. А почему не позвонил – потому что знал, что Катерина у вас, и вы вместе попрётесь больного навещать. Думайте, пока больной и бессильный, вы сможете взять меня тёпленьким! Саня хихикнул, мол, секс – хорошее согревающее средство. Какой секс, меня от её вида блевать тянет! Нет, не понимает! Знаешь что, мне к 11 на похороны. Да, надо посмотреть на коллектив в особой ситуации.

Выразил сочувствие мамаше покойной, нестарая такая женщина с усиленно скорбным видом. Та крепко держала за

руку маленького лопоухого мальчика. У этого не скорбь на лице, а бесконечный испуг. Отходя, услышал разговор:

– Правду Дуня говорила, гадина её мамаша. Вся насквозь фальшивая. Ишь, тринадцать лет дочь не видела, а сейчас завопит: «Да как же я без тебя!»

Это главбух с заместительницей. Пристроился в процессии за ними следом. В случае чего информацией поделаются. Ещё подумал, что эти две женщины – типичные представительницы издательства. Одна – холёная, дорого и со вкусом одетая и причёсанная. Главбух Нина Васильевна. Подтянутая, хоть и в годах. Ближе к шестидесяти. Приветливая, открытая. Позавчера быстро ему в душу влезла, риелтора присоветовала. Заместительница Лариса Александровна – моложе лет на 10-15. Брюки, мешковатая куртка, кепочка «Грачи прилетели», какие сейчас пенсионеры донашивают. На ногах растоптанные кроссовки, на плечах рюкзачок. Измождённая, три крупные родинки на смуглом лице. Белеют отросшие корни волос. Обе высокие, пожалуй, выше его ростом.

– Да что же это делается, – воскликнула Лариса Александровна и схватила впереди идущую Дунину мать за руку. Та вскрикнула. – Нина Васильевна, да что же это!

Нина Васильевна хладнокровно выдернула из своего воротника декоративную булавку гигантского размера и воткнула её в руку Дуниной матери. Та завопила.

Образовался затор. Сидящая на корточках Лара дула на

посиневшую ручку мальчика. Он плакал. Нина Васильевна поясняла окружающим:

– Сжала ручонку так, что косточки ему, наверное, все переломала. Говорила Дуня, что у неё мать садистка. Теперь вижу, так оно и есть!

Бабка растерялась, потом стала объяснять, что сжала руку от скорби.

– От скорби собственные губы кусают, а не детей пожирают!

Прибежал главный редактор «Молодёжки» Баринов и двинул процессию, расставив всех по своим местам. Только Лара с мальчиком ушли назад.

Минут через пять снова появились. Нина Васильевна спросила: «Что?», Лара ответила: «В туалет не пускала». «Правда, садистка», – подумал следователь. И спросил женщин, откуда мальчик их знает.

– Миша у меня в группе занимался, – ответила Лара. – Ну, я плаванье раньше вела...

– Раньше?

– До травмы.

Когда подошли к могиле, Лара схватила Нину Васильевну за рукав:

– Почему Елена?

Под большим застеклённым фотопортретом стояла надпись: «Елена Лопухина».

– Вообще-то она Елена Лопухова. Евдокия Лопухина –

это псевдоним. Фамилию она умудрилась сменить. А имя почему-то не удосужилась.

– Я Мишу никогда с ней не ассоциировала. Он Лопухов – она Лопухина.

У ворот кладбища расстались. Издательские грузились в два заказных автобуса, Лопухова-старшая, крепко держа внука за руку, мотала головой, отказываясь от приглашения Барина на поминки, Лариса Александровна что-то шептала на ухо Мише, он всхлипывал.

На работе навалилась обычная рутина. Надо было оформлять два дела в суд, запрашивать экспертизы, распределять поручения. А вечером Толя попросил до 12 не появляться. «Да ладно, я сегодня в кабинете заночую!» Сходил в аптеку, заодно затоварился в гастрономе. Умял полбатона колбасы, проглотил таблетку аспирина, надул матрац и улёгся. Проснулся весь мокрый, видно, температура всё же была. Глянул на часы и пошёл за водой.

В кабинете заливался сотовый.

– Дмитрий Сергеевич, вы далеко?

– В кабинете.

– Как я вас пропустил, – это был дежурный. – На вашем объекте, ну, в издательстве, ещё один труп.

– Парашютистка? Женщина?

– Не-е, мужик. Подробностей не знаю. Полиция уже там.

Глава третья, в которой все переезжают.

Лара тоже не хотела идти на поминки. Но Нина Васильевна сказала:

– Не по-людски это. Похоронили – помяните. Да и без обеда мы. Не бойся, в рядовую пьянку это не перейдёт. Барин велел не в банкетном зале, а в буфете накрыть.

Барин засёк их при входе и вышел встретить. Затащил вглубь и усадил на низкий подоконник. Подсунул тарелки и побежал дальше, кинув на ходу: «Закусывайте!» Лара откусила от бутерброда и огляделась.

Опытный Барин продумал всё, исключив возможность для штатных выпивох задержаться и ужраться. Стулья из буфета были убраны самым решительным образом. При входе поминающим вручались столовые приборы, тарелка с закуской и стакан. Приткнуться можно было только к буфетной стойке или буфетным же столикам, предназначенным для стоячего перекуса. Между поминающими курсировали с бутылками завхоз Юрий Дмитриевич и секретарша Анна Николаевна, оба трезвенники, сурового нрава и с отличной памятью. Налить второй – пожалуйста! А далее – никак. Поэтому поминающие говорили: «Царствие небесное!», быстро перекусывали, совали посуду в окошечко – и на выход.

Лара не заметила, как проглотила и оба бутерброда, и куриный рулетик. А Нина Васильевна уже скидывала ей на тарелку сосиску в тесте: «Ешь, ешь, наверное, уже забыла, когда последний раз ела!» Увы, это так! Лара стала вспоми-

нать, что в день гибели Дуни обедали они чаем с бутербродами, которые по-быстрому соорудила Нина Васильевна. Это она обхаживала следователя Дмитрия Сергеевича, лысоватого, кривоногого, пузатенького, шмыгающего носом, небольшого росточком мужичка. А услышав, о чём шла речь, с трудом удержалась от смеха, несмотря на трагические обстоятельства: Нина Васильевна впаривала ему свою квартиру!

В конце рабочего дня Лара ещё раз попила чая, на этот раз с печенинкой. И полетела в бассейн. Дежурство на этот раз затянулось до четверти двенадцатого. Домой попала только в первом часу. Есть хотелось страшно, но ничего съестного ей не оставили, только горы грязной посуды на столе и в мойке. Пошарила в холодильнике, обнаружила одинокое треснувшее яйцо, прилипшее к ячейке. Разболтала его в стакане из-под сметаны с парой ложек сыворожки на дне. Хватило на несколько блинков. Запила чаем «Белые ночи» (заварка тоже кончилась). Вытащила из морозилки заиндевевший куриный хребет, залила водой и поставила на плиту. Пока перемыла всю посуду, бульон закипел. Убавила газ, взялась мыть пол. Потом закинула в кастрюлю вермишель и задремала над ней с открытыми глазами. Потом выключила газ и завела будильник. Всё, наконец-то можно отдохнуть!

Утром разогрела себе пару ложек куриного супа в эмалированной кружке. Уже обувалась, когда из зала выглянул заспанный Славик:

– Мам, денежку не подкинешь?

Открыла бумажник. Там сиротливо морщились две сотни, да перекатывалась ещё кой-какая мелочь. Отдала одну бумажку сыну. Подхватила пакет с мусором и полетела на работу.

Здесь её настиг звонок мамы. С истерикой в голосе требовала немедленного приезда. Ответила, что сегодня никак, работа до одиннадцати. Нет, поменяться никак. Накопились долги, отрабатываю за сменщика. Выслушала обычную порцию упрёков. Остановила её только, когда сказала:

– Завтра зарплата. Ну что толку сегодня приезжать, если утром последнюю сотню Славке отдала?

Мама сразу замолчала. Понятно, Лопахиным того же надо.

В обед чай с крекерами. Вечером чай с крекерами. В бассейне её отловил Петрович:

– Лара, за уборку не возьмёшься? Раздевалки, сауна и кабинеты.

Сил нет. Но кивнула.

Чтобы ночью меньше задерживаться, умудрялась оттирать по кабинету в пересменки. Сауну и раздевалки протёрла минут за сорок. Домой! А дома, естественно, то же самое. А вот драный пакет из-под крекеров. На дне какой-то мусор. Высыпала прямо в рот. Тьфу, живая соль! Запила водой из-под крана. Чёрт с ней, с посудой! Спать!

Утром проспала. Есть всё равно нечего, но не успела прибраться на кухне. С утра ещё успела закинуть документы в

налоговую. Потом похороны. И вот он, обед. А вот Нина Васильевна суёт ей какой-то пирожок:

– Нина Васильевна, хватит уже!

– Ешь, Ларочка, тебе же вечером в деревню.

Ох, правда! Утром мама перезвонила: «Володя приехал, ждём обязательно!» Вика в трубку шумит: «Тётя Лара, пельмешек привези!»

Так что после поминок в гастроном. И вечером бегом на автобус до вокзала. Успела на электричку. Сорок минут – Липки. Десять минут пешком: «Здравствуйте!»

Встретили с повышенной агрессией. Растерялась: «Что ещё случилось?» Вика выскочила вперёд всех: «Мы переезжаем в город!»

Мысли заметались: в чём провинилась? Дров не привезла. В принципе договорилась с соседом, но не напоминала, потому что расплачиваться нечем. Пока раздумывала, мама пояснила, что Володя продал дом.

– Ну, понятно. Только зачем меня сюда звали? Могли бы и по телефону сказать.

– Ты ключ привезла? – отрывисто спросил Володя.

– Какой ключ?

– От гаража. Надо ведь припасы перевозить.

– Какой гараж? Мы его ещё год назад продали и проели!

– Куда же мы теперь картошку... банки, – заплакала мама.

– Какое ты имела право продавать без согласия других собственников, – загремел Володя.

– Володя, у этого дома нет других собственников, кроме тебя. Захотел – продал. И никто на тебя не орёт. А у гаража не было других собственников, кроме меня. И нечего на меня орать. Припасы перевезёте в подвал под домом. Сами когда, послезавтра? Ключи у вас есть. Нет, дома я не останусь, незачем. Таскать вещи не могу, рука после перелома не восстановилась. И мне ещё квартиру искать. Как какую квартиру? У меня сын взрослый, с девушкой живёт. Не могу же я с ними в одной комнате.

Закинула рюкзачок на плечи, выбежала из дома. Что-то кричала вслед Вика. Не остановилась. Пролетела мимо соседского автомобиля. Тот окликнул:

– Лара, ты в город? Садись, подвезу. Только придётся выйти в центре. Ну что, дом продали?

– Это Володин дом...

– Да-а. Хреново тебе, Ларка, придётся.

– Да уж.

Дальше ехали молча. И что тут скажешь?

В этот дом они переехали лет восемь назад, Вика ещё в школу не ходила. До этого все ютились в квартире, которая после смерти отца перешла в равных долях маме, Ларе и Вите. А Володя – от первого брака мамы, и этот дом он унаследовал после смерти своего отца. Эта развалюшка много лет стояла пустая, а потом Витя по дощечке восстановил дом. Сначала мама с сыном и внучкой на лето туда выехала, а потом решила не возвращаться. Домик ничего не стоил, посё-

лок совсем зачах после того, как здесь ликвидировали воинскую часть. Так бы и жили они, но было принято решение на этом месте отстроить суворовское училище. Сразу жильё резко подорожало, и Володя прилетел его продать. Больше всего обидно было, наверное, Вите. Он эту развалину из руин поднял, а его пинком! А мама всю жизнь пляшет перед старшеньким, как же, с отчимом рос! Никогда его папа не обижал, всё у них в семье было поровну. А вот с гаражом... что-то предугадал папа, что оформлял на Лару гараж. И пригодилось!

Наверное, она задремала. Очнулась от оклика водителя. Взяла рюкзачок и вылезла на остановке. За те полчаса, что они ехали, погода резко изменилась. Подморозило, дул ветер, и даже снежинки иногда падали. Было начало десятого, не поздно ещё, но автобусы ходили редко. После тёплого салона машины она сразу замёрзла. А ещё через пятнадцать минут её уже колотило в ознобе. Тачку взять? Но зарплату сегодня не дали. Пара сотен осталась из тех, что за уборку Петрович заплатил. Но тогда что делать, если и завтра зарплата не пройдёт? Нет, надо потерпеть.

А за спиной нависала громада родного издательства. Освещены были только окна первого этажа: гремело музыкой и мигало огнями кафе «Лилия», тускло светились цеха типографии. А между ними – ярко освещённый холл главного входа. Утром снова сюда. А не заночевать ли тут? Махнула рукой и побежала по ступенькам. В проходной охран-

ник Саша сочувственно поглядел на женщину, трясущуюся в ознобе: «Конечно, проходите, Лариса Александровна, я даже записывать в журнал вас не буду».

Даже застонала, когда вошла в бухгалтерию. Теплень! Сейчас бы под душ! Так в мужском туалете на первом этаже есть кабинка душа, им пользуются рабочие. Авось в здании никого нет! Накинула старое пальто, в котором обычно бежала в типографию и побежала в конец коридора. Вернувшись, раскидала постиранное бельишко по батареям и стала записывать продукты из рюкзака в холодильник.

Так вот что кричала вслед Вика! Продукты им не оставила...

Пельмени что-то не хочется. Решила поужинать фасолью. Нет открывашки – воспользовалась ножом и сильно поранила руку. Полетела в туалет, по дороге роняя капли крови. Замотала тряпкой, обмыв проточной водой, а потом прошлась со шваброй по коридору, затирая следы.

Как заманчиво завалиться спать в десять часов! Так не стоит наступать на горло собственное песне! И не на полу Лара будет спать, а в переговорной, где богатая кожаная мягкая мебель. Но прохладно. Ничего! Старая штора вместо простыни, кофта, завёрнутая в полотенце, вместо подушки, а за одеяло – старое демисезонное пальто, в котором она обычно спускается в цех.

Проснулась от грохота ведра: как неудобно, уже уборщица пришла! Значит, восьмой час. Зато хорошо выспалась!

Взглянула на телефон: никто не звонил. Никому ты, Лариса Александровна, не нужна. На работе бы, пожалуй, заметили отсутствие, если бы вчера, к примеру, сгинула по дороге. А вот родственники спохватились бы только когда образовалась куча неоплаченных квитанций за коммуналку.

Лара быстро привела себя в порядок и села пить чай. Влетела в кабинет Нина Борисовна: «Лара, у нас снова труп!» В противоположном крыле на их этаже в коридоре пришедший первым фотокор Костик наткнулся на тело плотного мужчины с ножом под лопаткой. Лара охнула:

– Я ведь ночевала в здании! Нужно идти сразу от этом полиции сообщить, а то заподозрят!

Нина Васильевна остановила:

– Заподозрят всё равно, но лучше сначала генеральному повиниться, а то этот... хрен с диареей... на всякий случай возьмёт и уволит.

– Это будет последней каплей, после такого останется только один путь – в окно «Молодёжки», – взывала Лара.

– Так и скажи, если наедет, – напутствовала вслед Нина Васильевна.

В приёмной секретарши ещё нет. Да, ведь генеральный работает с девяти, и вообще, он же в Москве в командировке до сегодняшнего дня. Но приёмная открыта, и Лара на всякий случай толкает дверь. В просторном кабинете густо разит перегаром. Не обращая внимания на сидящего в кресле посетителя, Лара кидается к столу:

– Иван Васильевич, тут эта уголовная история... а я сегодня на рабочем месте заночевала! Вот... пришла предупредить...

Генеральный, сидевший внаклонку, поднимает красное потное лицо и неожиданно хохочет:

– И ты? Моя нипочём не поверит, что мы не вместе ночевали!

– Интересно, – сипит посетитель, оказавшийся тем самым Дмитрием Сергеевичем. – Не издательство, а ночлежка. Или дом свиданий?

В кабинет является мужик с чемоданчиком – эксперт, надо думать. Кажется, следователь его Толей называл. Сунул Ивану Васильевичу силомер: «А ну-ка!» Тот добросовестно сжал его. «Дурачок, – подумала Лора. – Значит, того покойника убили ножом ударом особой силы. Не стоило ему силушку свою показывать». Дмитрий Сергеевич говорит:

– Ещё Ларису Александровну...

«Такая же дурочка», – подумала она о себе, добросовестно сжимая силомер.

– И другой, – сказал очкастый Толя. – Почему так слабо?

– Зимой перелом был. Не восстановилась

Толя согнул её руку, помял, покрутил и сказал:

– Да, контрактура. Что же вы не разрабатываете? И почему завязана? – и кивнул Дмитрию Сергеевичу, который огорчённо засопел.

– Вечером консервную банку открывала, поранилась. Что,

левой убивали?

– Всё-то вы знаете. Толя, там ещё кровь затёртая в конце коридора.

– Это моя, от той самой банки.

В общем, опять морока на пол дня. Ещё и на покойника заставили посмотреть. Лариса сразу отрицательно помотала головой, а потом усомнилась:

– Незнакомый мужик, а словно бы видела его мельком... или в коридоре один раз встретила, или давным-давно счёт приходил выписывать... а может, показалось...

Только к обеду выбрала время позвонить сыну:

– Слава, ты где? А когда занятия кончатся? Зайди ко мне на работу, как освободишься, есть разговор.

Не сказать, что жили хорошо, но предстоит жить ещё хуже. Как ни считай, а денег не хватит. Если без квартирантов: ипотека, коммуналка за две квартиры... зарплата уйдёт целиком, ещё и не хватит малость. Это если отселить Славу с его царевной-лягушкой в башню. Славику, конечно, удобнее в универ ездить... но кто его кормить будет? А Лариных подработок только-только на хлеб без соли... и рядом мама, брат и племянница, которые будут в рот заглядывать. Лара уткнулась лицом в руки и тихонько застонала.

– Лара, послушай меня, мудрую женщину, – тронула её за плечо Нина Васильевна. – Я понимаю, ты, дурочка, уступишь молодым отдельную квартиру, хотя по делу надо бы отселиться тебе, оставив всех нахлебников барахтаться как

хотят. – Но ты хоть не сознавайся, что эта квартира наполовину твоя! Иначе эта твоя царевна-лягушка не отцепится от Славика никогда!

Позвонил Славик, сказал, что подъезжает. Лара ответила:
– Буду ждать на проходной!

Можно было сказать, чтобы поднимался к ней, но не хотелось разговаривать при Нине Васильевне. Секретов от неё у Лары нет, но будет неприятно, если Нина Васильевна услышит, как Славик сейчас разговаривает с ней. Какой он был ласковый и понимающий сын...

Спустилась вниз и увидела, что по ступенькам Славик поднимается, держа за руку Марину. Она же ясно дала понять, что разговор на двоих. И что это: демонстрирует, что он со своей избранницей – одно целое, или эта царевна-лягушка боится, что в её отсутствие я скажу что-то не то о ней?

– Ну, вот, мама, мы пришли. Что ты хотела сказать?

– Славик, приехал дядя Володя. Он продаёт дом...

Славик покраснел:

– Я тебе раз и навсегда сказал, что я о них слышать не хочу! Это твоя родня, а не моя! Моя родня – это вот... моя жена! И оставьте меня в покое!

Развернулся и потянул Маринку за руку. Она ещё, поворачиваясь, кинула на Лару торжествующий взгляд. И чему ты радуешься, дурочка? Тому, что он маму родней не назвал? Так какая я родня? Деньги даю, стираю, убираю... спонсор я.

Побрела на второй этаж. На лестничной площадке её под-

хватила под руку Нина Васильевна:

– Извини, я подслушивала. Ну, интересно мне было на твою царевну-лягушку взглянуть. Но неправильно ты её назвала...

– Это я потому что она большеротая, – заторможено пояснила Лара.

– Я буду звать её жаба-королевишна!

Лара от неожиданности рассмеялась. Так, истерически смеясь, они зашли в кабинет. Нина Васильевна закрылась изнутри на ключ:

– А теперь, если хочешь, поплачь!

Лара положила подбородок на кулаки:

– Нет, плакать некогда. Думать надо.

– Думай. Говори вслух. Твой ближайший шаг?

– Переезжать буду.

– Вечером? Мне Юрку озадачить?

– Нет. У меня сегодня дежурство. Вечером вещи соберу. Хорошо бы утром.

– В семь устроит? Звоню.

Начало первого. Лара спотыкается о разбросанную в прихожей обувь, летит и тормозит только у тумбочки. Возвращается, некоторое время тупо разглядывает Славкины ботинки и Маринкины ботфорты, а потом с силой наступает на коричневое голенище. На некоторое время замирает, любясь чётким оттиском кроссовки, а потом садится у входа и разувается. И включается в привычную домашнюю круго-

верть. Только на этот раз не моет посуду, а аккуратно складывает её в большой пластмассовый таз и выносит в ванную, чтобы не мешалась. Освобождает холодильник, выкатывает его в прихожую. Привычно отмывает плиту, стол и подоконник. Моет пол. Собирает в другой пластмассовый таз посуду, которую собирается забрать с собой. Выбирает из шкафов в прихожей свою одежду и запихивает её в большие мусорные пакеты. Переходит в комнату и методично освобождает полки от одежды и белья. Заводит будильник, ложится спать.

Утром просыпается не по будильнику, а от дверного звонка. Накидывает халат и распахивает дверь перед Юрием Дмитриевичем и Серёгой, заносящими в дом маленькую стиральную машину. Извиняется, извиняется, извиняется...

– Да не стрекочи, Александровна, – говорит Юрий Дмитриевич. – Газель закрыта, так что барахло таскать покуда некуда, собирайся не спеша. Мы пока машинку подключим.

Когда мужики несут вниз большую стиральную машину, Лара подхватывает мешки с барахлом и плетётся следом. Вернувшись, она застаёт молодых в прихожей.

– Мама, это что? – дрожащим от негодования голосом спрашивает Славик.

– Холодильник закатывайте в комнату. Диван, ещё швейная машинка, а всё остальное – не тяжёлое, – говорит она мужикам. А потом поворачивается к сыну. – Холодильник и стиралка поменьше – из съёмной квартиры. Я свои забрала, потому что у Лопахиных тоже бытовая техника имеется.

Сейчас я комнату освобожу – и перебирайтесь.

До Славика доходит:

– Они что, сюда переезжают?!

– Я тебе это ещё вчера сказала.

Берёт очередную партию мешков и идёт на выход.

После работы вдруг оказывается, что ей абсолютно нечего делать. Дом – вот он, только через дорогу перейти. Телефон Лара трусливо отключила, потому что ничего хорошего родные ей сказать не должны. Готовить ничего не хочется, к тому же надо извести две большие упаковки пельменей, которые она привезла из Липок. В общем, решила Лара в кино пойти. Только не знала, что билеты такие дорогие. Ладно, одна живём! После сеанса с больной головой прошвырнулась до «Паркового», полюбовалась на цены, заскочила в продуктовый, купила молоко, полбатона и чай в пакетиках и пошла в новое своё пристанище.

Надо же, не одна она сегодня сюда переехала. У её подъезда стоит тентованная газель, а четыре мужика, переругиваясь, пропихивают диван во входную дверь. Подбежала, придержала дверь. Ба, знакомые всё лица! Дмитрий Сергеевич, Толя, двое других незнакомы. Один из незнакомцев, мелкий, но щеголеватый, в лаковых ботинках и кашемировом пальто, покосился на Лару и чуть не выронил диван. И уронил бы, если бы она не подхватила. Гадство, больно же! Потянула больную руку. Наконец мужики бросили диван у грузового лифта.

– Прекрасная самаритянка, – начал напыщенно мелкий. – Не украсите ли вы нашу мужскую компанию? У нас сегодня новоселье!

Он не только мелкий, а ещё и слепой.

– Никак нельзя, служивый, – мрачно ответила Лара. – Новоселье-то у Дмитрия Сергеевича, а я по двум его делам прохожу как подозреваемая.

И пошкандыбала по ступенькам на свой третий этаж.

Уже после одиннадцати в дверь позвонили. Глянула в глазок – всё тот же. И рядом покачивается эксперт Толя. Открыла:

– Неужели выпивка кончилась?

– Выпивки – до хрена, – промычал пьяный в хлам Толя. – А вот закуска кончилась.

– Милосердная самаритянка, – начал расшаркиваться мелкий.

– Короче, – рявкнула Лара. – Килограмма пельменей хватит?

– Щедрейшая самаритянка!

Не успела отойти от двери – снова звонок.

– Что ещё?

– А у Димки кастрюли нет!

– Сковорода есть? – Толя мотнул головой. – Жарьте!

Глава четвёртая, в которой Лару обвиняют во всех смертных грехах

И за две недели, как ни странно, больше не позвонили. Ни мама, ни Славик. Только Вовка Пинчук объявился, друг детства:

– Ларчик, сто лет не виделись. Надо бы поговорить.

Ох, надо. И лучше говорить с Вовкой, который всегда на её стороне. Договорились встретиться у неё на квартире в обеденный перерыв. Лара смылась с работы ещё до двенадцати. Насчёт того, чем гостя покормить, она не беспокоилась. Едва начатая упаковка пельменей, на которые она глядеть не может, для Вовки – самое то. Они подростками с Витей, бывало, подрядятся в ближайшем продуктовом муку разгружать, а плату берут пельменями. Поставят трёхлитровую кастрюлю и гипнотизируют её взглядом, пока вода закипает. И не голодали, вроде, в те времена. Их отец был жив тогда. И Вовкин. Оба работающие малопьющие мужики. А пацины захлёбывались слюной над магазинными пельменями. Поняла их Лара спустя много лет, когда Славик в подростковый возраст вступил. Тощий пятнадцатилетний подросток за раз съедал столько, сколько ей, взрослой женщине, за неделю не умять. Всё в рост уходило.

У аквацентра пригородный совхоз с утра выставлял тонар с собственной продукцией. Лара от многих слышала, что там сметана гораздо вкуснее, чем из супермаркетов, и решила прикупить её к пельменям. Заодно прихватила буханку хлеба, Вовка по советской привычке всё с хлебом ест. Расплачиваясь, обратила внимание на подростка, который сверлил

её угрюмым взглядом. Уже не в первый раз она его видит. Кажется, он живёт в её подъезде. Пробежала стайка мальчишек. Похоже, они травят самого маленького. Надо разогнать. Пригляделась:

– Миша!

Миша Лопухов с рыданием кинулся ей в объятия. Боже, ну и запах! Пахло не только немытым телом, но, кажется, и чем-то похуже. Замёрз, описался.

– Я вас д-два дня-а тут жду-у.

– Я живу вон в той башне. Ну-ка, бегом!

Когда Лара подбежала к своему подъезду, Мишу за шиворот держал Дмитрий Сергеевич и о чём-то спрашивал. Она сказала:

– Пожалуйста, отпустите мальчика. Надо как в русских сказках: сначала накормить, напоить и спать уложить, а потом пытаться.

– Да я уже выпытал, – хмуро ответил он. – Бабушка его полотенцем била. И в классе рассказала, что у него ночной энурез. Только вы-то чем можете ему помочь?

– Мы с Мишей решим, как дальше поступить. А вы можете нам хотя бы тем, что никому о нём не расскажете.

Только что ревевший, войдя в подъезд, Миша засиял:

– Уй, лифт!

– Я вообще-то пешком хожу. Но если сударь желает прокатиться...

Четвёртым в лифт вошёл неприветливый подросток.

Дмитрий Сергеевич сказал:

– Это мой сын. Тоже Миша.

У дверей топтался Пинчук:

– Это называется «приходи, когда меня нет».

– Сейчас, Вовочка, сейчас, миленький, – открыла на полную кран и скомандовала. – Миша, всё кидаешь на пол – и в ванну! Сейчас полотенце принесу. Вовка, ставь кастрюлю с водой и вынимай из морозилки пельмени!

И дальше металась, доставая полотенце, трикотажные летние бриджи, футболку поменьше, носки, попутно излагая историю Дуни Лопухиной.

Когда Миша вышел из ванной, Вовка оценил:

– Хоть сейчас на паперть!

Оба набросились на пельмени так, что Лара сказала:

– Ну, ладно, Мишка три дня в бегах, но ты-то? – и полезла в холодильник. – Ты что, не все высыпал?

– Я постеснялся...

После обеда сытый Мишка завалился на диван, включил телевизор и сразу уснул. Вовка кивнул на него:

– Дальше-то что?

– Вовка, ты, если можешь, принеси одежонку какую похуже. С Сеньки вашего, что не жалко. Только Люде своей лучше не говори. И больше в этом деле ты мне не помощник, так что говори, как там Лопухины.

– Как ни странно, хорошо. Тётя Маруся сказала, что наконец-то в тебе инстинкт самосохранения сработал, что дав-

но ты должна была их лесом послать, и сыночка с его жабой тоже.

– Как странно! Нина Васильевна назвала Марину Жабой-королевишной.

– Умная она у тебя тётка! А ты дура, Ларка. Ну почему ты сразу не поставила на место эту хамку?

– Я не хочу терять сына, Вов.

– И что? Не потеряла?

– Теряю, но ещё не окончательно потеряла...

– Ларочка, у восемнадцатилетнего мальчишки крышу от секса снесло. Пока не переболеет, он ничего не услышит. Отойди и наберись терпения.

– Я терплю уже третий месяц. Ладно, Вов, скажи маме, что коммуналка у меня на автоплатеже. А она пусть тарелку супа внуку не пожалеет.

– Примерно так и она сказала. А я Витьку пристрою автостоянку охранять.

– Нежелательно. Нельзя ему с людьми. Ему бы какую-нибудь монотонную работу: ящики сколачивать, гайки на болты навинчивать...

Лара по телефону отпросилась у Нины Васильевны на вторую половину дня, потому что побоялась оставить спящего ребёнка одного. Но в бассейн дежурить всё же ушла, наказав Мише не подходить к двери, если кто-нибудь будет звонить.

– Может, свет выключить?

– Ерунда. Может, я его выключить забыла, уходя.

На душе было беспокойно. Но всё обошлось. Правда, только до утра. Она на работу собиралась, когда ввалилась полиция. Ещё не высохла куртка, но, несмотря на просьбу Лары подождать, Мишу завернули в бушлат и увезли. А её доставили в участок.

Лара не особенно опасалась за себя. Когда увидела в глазах полицию, сразу предупредила сонного Мишу, чтобы говорил, что она уговаривала его вернуться к бабушке, а он не хотел, и они договорились обратиться в приют. Вменяли ей, конечно, статью очень серьёзную, похищение человека, но одно дело обвинять, и совсем другое доказать. Пропал Миша из школы четыре дня назад, и всё это время Лариса Александровна с утра до вечера находилась на глазах у людей. Встречу её вчерашним днём с Мишей могли подтвердить продавщица из тонара, которая ругалась на преследовавших его мальчишек, и сын Дмитрия Сергеевича.

Полицейский, который её допрашивал, вёл себя абсолютно по-хамски. Орал, обращался на «ты», не давал позвонить, когда Лара решила связаться с юристом издательства. Лара уже начала опасаться, что придётся ей познакомиться с местным «обезьянником», когда в кабинет зашёл мужик в штатском и ещё один надменный сморчок в большом чине, наверное, потому что полицейский вытянулся перед ним в струнку:

– Что у тебя?

– Похищение человека.

Сморчок недоверчиво заглянул в лицо отвернувшейся Лары и пожал плечами:

– Да ну, – ещё раз взглянул и заорал. – Снегурочка! Я ж тебя каждый Новый год вспоминаю!

Назвать смуглую темноволосую Лару Снегурочкой? Удивились не только полицейские, но и сама Лара. А потом что-то забрезжило:

– Это не вам мы мешок Деда Мороза за бутылку «Абсолюта» отдали?

– Ну! Мы каждый год его достаём! И ещё несколько прикольных вещичек туда добавили. Ржачка в любой компании! Давай, быстро рассказывай, кого ты похитила.

Лара кратко рассказала историю Миши Лопухова, о вчерашней встрече с ним и сегодняшнем наезде полиции.

– Ну, это ерунда, конечно. Мальчик-то что говорит?

– То же самое, – сказал его спутник.

– Ну и какое тут похищение? Прибежал обиженный ребёнок к знакомой, она его напоила, накормила и спать уложила. Надо написать в тамошнюю опеку, что ребёнок жалуется на жестокое обращение. Да и так семью на учёт поставят. А тут мы извинимся перед Снегурочкой... перед Ларисой Александровной, – это он в протокол заглянул. – И простимся с ней. Но вот интересно мне, кто это её заложил так оперативно.

– Мне из розыска позвонили, – сказал полицейский.

– Ну-ну. Ладно, ты оформляй бумажки-то, а мы покуда с

Ларисой Александровной чаю попьём. Что подписать надо, ко мне принесёшь.

Сморчок подхватил Лару под руку и потащил на выход. Поднялись на второй этаж, зашли в приёмную. Там всё как положено: секретарша и несколько посетителей в ожидании начальства. Сморчок окликнул мужика предпенсионного возраста, читающего газету:

– Лёша, смотри, кто к нам пришёл!

Мужик нехотя свернул газету, посмотрел на Лару и расплылся в улыбке:

– Какие люди! Снегурочка! А дед Мороз где?

– Пинчук из второго отделения.

– Я его не знаю, но слышал, что он приколист. Правда молодец он у тебя!

История эта произошла несколько лет назад. Как-то решили Пинчуки отметить Новый год в тёщином деревенском доме. Чтобы вокруг ёлки, которая во дворе росла. Это наследство от Людкиной бабушки, зимой там, конечно, никто не живёт, а летом тесть и тёща огородом занимаются. Лара сразу отказалась. Что за удовольствие топить печь и посещать туалет типа сортир, особенно если ночью приспичит! Пинчуки детей с собой брать не предполагали, а Славке и вовсе не резон в нетрезвой компании.

И тут дают Славке двухнедельную путёвку в спортивный лагерь, как раз на все каникулы. И Лара остаётся одна. Зарекалась она уже с Пинчуками не связываться, но одной

ещё тошнее. Поехала. Только уговаривала горячительного поменьше взять. В результате утром 1 января горячительное стало стремительно заканчиваться.

Они с Вовкой и Людкой придумали игру «Музыкальный мешок». Напихали в мешок всякой чудной одежды: трусы семейные семьдесят последнего размера, панталоны женские с начёсом, бантик, бабушкина шляпка и так далее. А соседка Пинчуков Милка приволокла белое неглиже из грубого ацетата: ночную сорочку и пеньюар. Подарок любимой свекрови, говорит. Всё это верёвочками по отдельности перевязано, и кончики из мешка выпущены. Записали на диск пару десятков музыкальных отрывков. Играющие встали в круг и перекидывали мешок из в руки. А тот, у кого мешок в руках оказывался в паузе, был обязан потянуть за кончик верёвочки и вытащить то, что под руку попадётся. И надеть. Получалось прикольно: мужик с бантиком, грузная тётка в мужских трусах и т.д. А Ларе досталось неглиже. Было оно размера, наверное, шестидесятого, поэтому Лара напялила его прямо на пуховик. И пьяные гости завопили: «Снегурочка!» Вовка снял с ёлки игрушечный блестящий кокошник, и Лара нацепила его на вязаную шапку. А у Вовки много лет был настоящий костюм деда Мороза, потому что в семье трое мальчишек, которых надо поздравлять. Они покривлялись немного у ёлки и стали собирать мешок. Только Ларе Вовка сказал: «Побудь ещё немного Снегурочкой». А Людка вскинулась: «И ты не дед Мороз, а Морозко, и она не Сне-

гурка, а внучка Настенька. А тепло ли тебе, девица, когда водочка кончилась?» И пьяные гости кинулись гнать Лару со двора: «Иди, Настенька, ищи подснежники. И чтобы без водочки не возвращалась!» В общем, выпихнули их с Вовкой за калитку. Вовка сказал: «Там на другом конце дачного посёлка есть несколько старых домов. И в одном из них живёт бабка-самогонщица. Пошли искать, а то без горячительного они нас не пропустят».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.